

18+

Наталья Червяковская

Цветы на снегу: Нежность, унесенная ветром перемен

Девичьи грёзы в рифмах — стихи о самом прекрасном

Наталья Червяковская

**Цветы на снегу: Нежность,
унесенная ветром перемен.
Девичьи грёзы в рифмах —
стихи о самом прекрасном**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Цветы на снегу: Нежность, унесенная ветром перемен.
Девичьи грёзы в рифмах — стихи о самом прекрасном /
Н. Червяковская — «Издательские решения»,

«Цветы на снегу: Нежность, унесенная ветром перемен» — не просто сборник стихов, а исповедальная тетрадь девичьей души, где о самом сокровенном шепчут простые и чистые слова. Всего лишь один томик, а в нём — целая жизнь, трепетная и бесценная: от девочки, распахнувшей глаза миру, — к деве, познавшей первый трепет, от девы — к женщине, умеющей любить и терять. Строчка за строчкой, год за годом — как ветерок, что не удержать в ладонях, как цветы, что осыпаются под дыханьем перемен.

Содержание

Девочка	6
Лиличка	8
Майский жук гудит в окошко	9
Девчачья песенка	11
Грустилки	13
Сны про драконов	14
Тайна первая: соседский взгляд	16
Тайна вторая: записка	17
Тайна третья: расставание	18
Цветы	19
Смотрели в небо	21
Красивая девчонка и хулиган	23
Спор на поцелуй	25
Первая любовь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Цветы на снегу: Нежность,
унесенная ветром перемен
Девичьи грёзы в рифмах —
стихи о самом прекрасном**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0071-0462-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка

Вьётся локон золотой,
Сдобной крошкой пахнут пальцы,
И кружится над софой
Пыль в лучах, сплетая пядицы.
На паркете, где тепло,
Зайчик солнечный резвится,
Бьётся светлое стекло
В тихом трепете ресницы.

Шёпот платица в оборках,
Белоснежный пышный бант.
На некрашенных пригорках
Спит полуденный закат,
А для девочки — весна
На широком подоконнике:
Вся герань оживлена,
И ликуют ветры-конники.

Чинно куклы ждут чаёк,
Смотрят глазками-стекляшками.
По оврагам лёг дымок,
Пахнет мятой и кашками.
Дождь прошёл — и на стекле
Капли бисером искрятся,
Словно сказки на земле
В чистых отблесках роятся.

На коленке — след паденья,
Сбитый носик башмака.
Сколько сладостного пенья
В мир приносит птичья трель!
Тает нега, так легка,
В тонких пальчиках застыла,
И баюкает река
Всё, что детство полюбило.

У крыльца запел скворец,
Мамин голос кличет звонко.
Завершается дворец
Сказки милого ребёнка.
В мягких, кружевных подушках

Дремлет маленький народ,
И к фарфоровым игрушкам
Тихий ангел снизойдёт.

Лиличка

В затерянном городе, в доме с крыльцом,
Где воздух пропитан цветущей сиренью,
Жила себе Лилечка с ясным лицом,
Открытая радости и удивленью.

Веснушек рассыпчатых солнечный след,
Косички взлетали, как лёгкие крылья.
Был куклам предложен чвкуснейший обед,
Где сказка сплеталась с полуденной былью.

Оладьи румянились, каша дымит,
Но девочка носик наморщила прямо:
«Мне манная скука совсем не велит!
Варенья из роз положите мне, мама!»

Смеялся над нею шальной воробей,
Качаясь на краешке старого дома:
«Ты скоро начнёшь становиться взрослей,
И станет наука иная знакома!»

Но вечер вступал в свои мягкие права,
Она засыпала, кота обнимая,
А мама склонялась над ней, чуть дыша,
Перину и дрёму впотьмах поправляя.

Мерцали во сне золотые миры —
Безбрежное царство сверкающих сказок,
Где детство плывёт в упоенье игры,
Не ведая горечи, вздохов и масок.

Проснётся, натянет цветной сарафан,
И крикнет: «Ах, где моя шляпа?»
И хлынет веселье, как вешний фонтан,
Под мягкую россыпь кошачьего взгляда.

Майский жук гудит в окошко

В стекло стучится вестник мая,
Тяжёлый жук гудит в ночи.
Девчонка мечется, вздыхая,
В мерцанье трепетной свечи.
Клубится кошка мягкой тенью,
Мурлычет сладко под столом,
Склоняя детство к усыплению,
Оберегая тихий дом.

Ползут узоры по обоям,
Дрожит серебряный разлив.
Незримым баюкая зноем,
Покой струится, молчалив.
Но сердце тонкое томится,
Рождая шёпоты во тьме:
«Скажи мне, мама, где таится
Ночное лихо на уме?

Зачем глядит из зазеркалья
Такая сумрачная жуть?
И может месяц сквозь вуали
Страх этот детский оттолкнуть?»
Мать улыбнётся, глядя косы,
Касаясь ласковой щеки,
Снимая робкие вопросы
Движеньем любящей руки:

«Не бойся, Лиличка, на страже
Седой рогалик вековой.
Он тоньше шёлковой оправы
Хранит невинный твой покой.
Он щедро сыплет на карнизы
Монеты звёздного тепла,
Чтоб ты забыла все капризы
И страх рассеялся дотла.

То плата верная за радость,
За колокольчик детских глаз.
Впусти в ресницы эту сладость,
Луна баюкает всех нас».
В ладонь зевнёт малютка глухо,

Уткнётся носиком в плечо,
И кошка, не шевеля ухом,
Спит, как пуховый колпачок.

А за струящейся гардиной
Горит хрустальная река,
Где над уснувшей детской свили
Венчальный полог облака.
И в этом ласковом сиянье,
Среди безмолвия кадил,
Свершает сон святое таинство,
Что свет над тьмою утвердил.

Девчачья песенка

Косая чёлка, бант в горох,
Скакалка бьётся о порог.
А на скамейке пять подруг
Смеются, глядя на испуг
Соседских мальчиков, что в ряд
Стоят и хмуро вдаль глядят.

Ля-ля-ля-ля, девчонки, пойте,
Пока июль над головой.
Пока нам десять, а не сто,
И лето — пестрое пальто.

В блокноте тайные слова,
Что нам не скажет дважды два.
Там про подружек, про луну,
Про то, как вырасту, усну
И вдруг проснусь уже большой,
С накрашенной слегка душой.

Ля-ля-ля-ля, девчонки, пойте,
Пока июль над головой.
Пока нам десять, а не сто,
И лето — пестрое пальто.

Щенок бежит наискосок,
Упал сандалик на песок.
А мир звенит, как тонкий шмель,
И кружит липовый кисель.
На плечи, словно легкий плащ,
Ложится пыль да шёпот чащ.

Ля-ля-ля-ля, девчонки, пойте,
Пока июль над головой.
Пока нам десять, а не сто,
И лето — пестрое пальто.

Мы свяжем ниткой сто цветов,
Наслушавшись ночных сверчков.
И будем верить до утра,

Что кончилась вчера игра,
А завтра ветер донесёт
До нас любовь и самолёт.

Грустилки

На карнизе дождь устроил танцы,
Бьёт по жести с самого утра.
В старой банке сохнут гиацинты,
Лиличка сидела у окна.

Туфелька слетела под кроватью,
Кукла смотрит в стенку без лица.
Этот день пропитан тихой статью —
Ни начала нету, ни конца.

Мама говорила: «Хватит киснуть».
Только как же, мама, не грустить,
Если тучи научились виснуть
Прямо в сердце, и не отпустить?

Грусть — она как серенький котёнок:
То мурчит, то просится на грудь.
И качаясь, словно поплавок,
Тянет Лилию в тёплую ночную муть.

За окошком лужи пузырятся,
Расплываясь мыльными кружками.
Лиличка хотела б рассмеяться —
Только смех застрял в груди комками.

Вечер подползёт неслышной тенью,
Молока нальют и гасят свет.
И уйдёт дневное настроенье
В сон, где грусти вовсе нет.

Сны про драконов

В недвижной толще изумрудных мхов,
Где плачет папоротник над зеркальной гладью,
Дракон спасает тайну древних снов
И дышит пламенем, подобно благодати.
Он в тишине свернулся вековым кольцом,
Не ведая губительного гнева,
И сумрак замер пред его лицом,
Заворожённый кротостью напева.

Чешуек тусклых золотистый слой
Подобен листьям, сброшенным садами,
Когда в них дремлет осени покой,
Омытый первыми холодными дождями.
Он сохранил в дыхании слова,
Которые для памяти утратил
Мой смертный век, где жадная молва
Развеела святое на закате.

В его глазах, как в древнем янтаре,
Застыло время тонкой золотой сеткой,
Словно зажгли фонарик на заре
Под каменной речной глухой беседкой.
Прижав крыло к изломанной спине,
Он спит в безмолвии незыблемой гробницы,
Пока стою я в сонной тишине
И глажу бронзу медленной десницы.

А после — высь без страха и оков,
Где нет границ, тревоги и обиды,
Где он колышет море облаков,
Вплетая в рог слепящие кориды.
Он ловит пастью трепетную медь
Далеких всполохов ночной грозы крылатой,
И так легко сквозь вечность пролететь,
Забыв о том, что грянет день расплаты.

Но утро входит колко, словно ёж,
Разбив хрусталь причудливых видений.
Ты на холодной простыне дрожишь
Среди пустых, бессмысленных сплетений.
И лишь в груди, у боли под рукой,

Хранится след драконьего тепла,
Да слово тайное, что вечной берестой
На тыльной стороне тоски легло.

Тайна первая: соседский взгляд

В сырой палитре ржавых гаражей
Застыл ноябрь бесцветно и убого.
Холодный воздух, острый, как ножей
Незримых лезвия, лежал вдоль всей дороги.

Он мял ремень, потупив мутный взор,
Не находя спасительного слога,
И молчаливый, тягостный укор
Казался горше приговора бога.

А я стояла, обращаясь в тень,
Сквозь сумерки сочилась безнадёжность,
Стирая в прах еще недавний день
И нашу выморочную возможность.

Он промелькнул, как серый тусклый дым,
Чужим движеньем кашлянул в ладони,
Отрекся взглядом, стал совсем чужим,
Спеша забыть, как в этой фальши тонет.

И, сделав вид, что не знаком со мной,
Туда, где тьма клубится по-хозяйски,
Свернул в овраг, укрытый бузиной,
Оставив стынуть этот вечер майский.

Тайна вторая: записка

На рыхлой мятой промокашке
Цвёл неуклюжий синий слон.
Дышала тайна нараспашку
Сквозь полудетский полусон.

Печатный шрифт держал осанку,
Рябил наивный строгий ряд:
«Он будет в семь...» — и спозаранку
Чернила кляксою горят.

Кружком обведена семёрка,
Размыт неведомый герой,
И пахнет сумеречно, горько
Крапива за глухой стеной.

В сарае, пряча под мешками,
Я вечность видела в листке:
Как вечер гаснет над мостками,
Как ключ сжимается в руке.

Давно разрушены калитки,
И стёрся тот невинный след,
Но слон из тонкой синей нитки
Хранит невысказанный свет.

Тайна третья: расставание

Умчался в зной, в неведомую даль,
Где сосны шепчут лагерному лету.
Ни строчки не прислал, а мне не жаль —
Привыкла я к молчанию поэта.
Лишь на скамье, нагретой добела,
Оставил след внезапного прощанья:
Медаль за бег да вырезка орла
На выцветшем флажке воспоминанья.

Я спрятала в коробку из-под чая
Простую медь и тонкий лоскуток.
Их каждый вечер бережно встречаю,
Когда закат стекает на восток.
Там запах трав и жестяного звона,
Там прячется невысказанный вздох,
И прошлого наивные законы,
И пыль давно исхоженных дорог.

Те тайны больше ничего не значат,
Узоры стерлись в глубине страниц,
И сердце над пропажею не плачет,
Не ищет среди сотен бледных лиц.
Лишь легкая, прозрачная печаль,
Как тихий свет растаявшего мая,
Лежит на дне, где ветхая медаль
Минувшее тепло оберегает.

Цветы

Он приносил мне одуванчик —
Пушистый, солнечный комок:
«Поставь, пожалуйста, в стаканчик,
Чтоб он еще пожить денек
В воде студеной тонконого
Сумел под утренним лучом...»
И в этой просьбе было много
Того, о чем мы помолчим.

Потом ромашку у забора
Срывал тайком от тети Зин,
Шептал: «Гадай без разговора,
Там лепесток всего один
Остался лишним на примете,
И значит — выпадет «люблю»...»
И легкий, ласковый наш ветер
Кружил оторванный стебель.

А на тринадцать — три гвоздики,
В кульке газетном, впопыхах.
Он шел к доске, неловкий, милый,
С глухой тревогой на губах.
Урок шумел, скрипели парты,
Но он стоял, потупив взор,
И на сухой равнине карты
Пылал рассыпанный костер.

В звенящем мае колокольчик
Дрожал на нитке расписной,
Когда по лужам мимо кочек
Мы шли из школы в летний зной.
Сцепив горячие мизинцы,
Вели наивный разговор,
И чистый звон лесной крупницы
Звучит во мне и до сих пор.

А в первом классе клевер красный,
Чуть-чуть примятый и живой,
Лежал в пенале не напрасно
Меж промокашкой и канвой.
И день сиял прозрачно-ясный,

И детской нежностью согрет
Был тот несмелый, чуть опасный,
Его лукавый, мягкий свет.

Теперь иные дни и моды,
Другие сыплются дожди.
Но сквозь прошедшие невзгоды,
Оставив холод позади,
Храню в жестяной банке чайной
Тот первый, хрупкий стебелек —
Он в тишине уснул печальной,
Сберегши детства уголек.

Смотрели в небо

Мы выносили старый плед
В сырую, сонную траву,
Когда в домах гасили свет,
Стирая явь и синеву.
Вступала полночь на порог,
Дрожал предутренний туман,
И начинался диалог —
Без лишних фраз, простой, как стан.

Срывалась ясная звезда
В бездонный полог высоты,
Я загадала навсегда
Сто самых призрачных «а ты?..».
Ты не смеялся, не шутил,
Не звал наивным мой каприз,
Лишь взглядом сумрак бороздил,
Склоняя ветви сосен вниз.

Твой палец целился во тьму:
«Смотри, Медведица плывёт,
По золотому кораблю
Спешит неведомый народ».
Я не могла найти ковша
Среди сияющей парчи,
Но замерла, едва дыша,
Коснувшись твоего плеча.

И отступил ночной покой,
И в сердце вспыхнуло светло:
Не просто тихо и легко,
А обжигающе тепло.
Мечтали врозь, сплетая нить,
Среди невидимых дорог:
Ты — о мопеде, чтоб лететь,
И чтоб забить победный гол.

А я — про белый кружев шёлк,
Про тихий дом и звон ключей,
И чтоб никто не пересёк
Следы неспешных тех ночей,
Когда рассветная роса

Смывает звёздную пыльцу,
И луч, скользнувший в небеса,
Огнём струится по лицу.

Красивая девчонка и хулиган

Она была как ясный свет в окне:
Косичек ленты, безупречный взгляд.
А он бродил на мрачной стороне,
В карманах пряча въедливый распад —
Осколки стекол, горечь грубых слов,
Окурки, ссадины прошедших драк,
Тяжелый груз дворовых тупиков,
Где каждый шорох принимался за врага.

Она легко чертила у доски
Законы формул в тишине звонка,
А он сжимал от злобы позвонки,
Не зная, где найти спасенья край.
В слепой испуг закручивая дни,
Толкал других, вступая в дикий бой,
Как будто только в этой западне
Он оставался истинно собой.

Но как-то раз косой холодный дождь
Стеной упал на школьное крыльцо.
Она стояла, ощущая дрожь,
И капли били в бледное лицо.
Он вышел следом, сумрачен и нем,
Отбросив дерзость показных манер,
И рванный край пакета, словно шлем,
Над ней раскрыл, прервав дождливый сплин.

Пускай смеялись школьницы вдали —
Она взглянула, не тая упрек.
В ее глазах сомненья не цвели,
Лишь тихий свет навстречу ей притек:
«Ты весь промок, простынешь под дождем...»
Он глухо бросил: «Я привык. Иди».
И ветхий мир, охваченный огнем,
Вдруг замер в обрывающейся груди.

Она ждала у каменных дверей,
Встречая взглядом, полным чистоты.
И он менялся на исходе дней,
Сжигая в пепел прошлые мосты.
Забыл табак, жестокость и вражду,

Стер с кулаков следы глухих обид,
И, победив слепую немоту,
С ней на одном наречье говорит.

Спор на поцелуй

Мы спорили до хрипоты,
Стучали пальцами по карте.
Я говорила: «Врёшь мне ты,
Что в поцелуе нет азарта».

А он смеялся: «Ерунда,
Механика губами к коже.
Целуют раз и навсегда,
А спорят — кто из нас дороже».

«Давай проверим, — я в ответ, —
На спор, без чувств и без условий».
В его глазах мелькнул рассвет
И тут же спрятался под брови.

Мы встали молча у окна,
Считая про себя до тридцати.
Внизу чирикала весна,
Не понимая, что случится.

Он наклонился. Тишина
Звенела в воздухе натянуто.
Я губы сжала — вот те на.
А он дышал, как в поле мята.

И поцелуй — один, второй ли —
Случился сам, без «раз, два, три».
Мы оба в тот же миг повторили,
Что проиграли изнутри.

Никто не выиграл. Сидели,
Плечом к плечу, в закатный час.
Глаза горели и глядели
Уже не в карту, а на нас.

Первая любовь

Она летит, как шарик из руки —
Случайно, ввысь, в другое измеренье.
Мы для неё — всего ученики,
Ещё не знавшие сердцебиенья.

Она взрослеет раньше нас на миг,
Стыдится слёз, уткнувшись в край подушки,
Сжигает в пепел тайный свой дневник
И разбивает памятную кружку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.